

Глава 16. В одной лодке

На следующий день после обеда Чжуан Шаогун твердо решил отправляться в путь. Когда троица вышла из речного лагеря Врат Духовной Настройки, Группное зло Ма Минван и его люди уже ждали их. После краткого прощания Ма Минван негромко произнес:

— Дорогой мой племянник, то Зло насекомых-гу Тэн Бао — племянник самого Тэн Шэ, главы Врат Насекомых-гу. Да и Зло гадания Фу Лин, как-то связана с Союзом Горных Пиков. Мы с твоим дядей Нью ранили этого парня, Умина... Что ж, в честном бою мы оказались сильнее, отговориться будет нетрудно, но тебе впредь стоит быть осмотрительнее.

Чжуан Шаогун слушал его, и на душе у него становилось всё тревожнее. С тех пор как он покинул родной порог, дела шли наперекосяк: то горные разбойники, то черная лавка, теперь вот стычка с прихвостнями Врат Духовной Настройки. Беды сыпались одна за другой. Он всего лишь ехал в Цзиньлин на состязания, чтобы взглянуть на девицу Е, и никак не ожидал, что путь окажется столь тернист.

Он покосился на стоявшего рядом болезненного юношу.

— Умин, далеко ещё до Цзиньлина?

Умин взглянул на переправу, где покачивались на волне лодки.

— Отсюда пойдем водой. В Юэчжоу пересядем, а там — всё на восток.

— Мир и впрямь полон опасностей, — печально вздохнул Шаогун. — Мы на каждом шагу навлекаем на себя гнев сильных мира сего. Доберемся ли мы вообще до этого Цзиньлина?

— Молодому господину не о чем беспокоиться, — вставил Уди. — Пока я рядом, мы можем хоть оба Союза и все семь Врат разом против себя ополчить — мне и дела нет.

Шаогун, и без того порывающийся повернуть назад, приуныл ещё больше:

— После твоих слов мне только сильнее хочется вернуться домой.

Уди, словно только этого и ждал, тут же подхватил:

— И то верно. Хозяин с хозяйкой тоже нуждаются в защите и покое.

Умин негромко кашлянул и едва слышно проговорил:

— Уди, возвращайся и стереги дом. А я сопровожу молодого главу в Цзиньлин.

Чжуан Шаогун принялся убеждать самого себя:

— Что ж... пожалуй, так и поступим. Раз уж я вышел в свет для закалки духа, нельзя бросать дело на полпути.

— Молодой господин прав, — Уди посмотрел на Умина и улыбнулся Шаогуну. — Позвольте мне сопровождать вас. Старший брат совсем плох, ему не к лицу дорожная пыль и тяготы. Пусть лучше едет в поместье, наберется сил и послужит хозяину.

Слова эти тронули Шаогуну. При всей своей заносчивости и грубости, Уди, оказывается, умел сопереживать брату. Сам Шаогун об этом как-то не подумал.

Он повернулся к Умину:

— Тогда, Умин, ты...

— Ты сам взял меня с собой, — Умин бесцеремонно оборвал его. — Если прогонишь на полпути, это будет означать, что я не справился с поручением.

Шаогун замялся. Умин бился за него не щадя жизни, и отослать его теперь, когда появился Уди, значило бы совершить низость. «Перейти реку и сжечь мост» — так люди скажут. И хотя он желал Умину добра, со стороны это выглядело бы так, будто он брезгует калекой. Для репутации Умина это был бы тяжкий удар.

Запутавшись окончательно, он посмотрел на Уди:

— Тогда, пожалуй, ты...

— Молодой господин! — перебил тот. — Болезнь — что тигр: дашь волю, загрызет. Брат совсем рассудок потерял от своей хвори, неужто и вы позволите ему так безрассудно бахвалиться?

Чжуан Шаогун метался между ними:

— Ну как же...

— Болезнь — что тигр? — Умин издал сухой смешок. — Смотри, Уди, как бы твоя «медвежья болезнь» не передалась молодому главе.

Уди потер челюсть, с трудом сдерживая ярость:

— От твоего туберкулеза, братец, вреда куда больше.

Шаогун, доселе не знавший, как вклиниться в их спор, окончательно вышел из себя. Наблюдая, как эти двое скалятся друг на друга, точно малые дети, он прикрикнул:

— Вы оба больны на голову! А ну брысь в Яншо! Вместе возвращайтесь, а я и один дойду!

Спорщики мигом притихли. Уди позвал лодочника, быстро сговорился о цене и перетащил вещи из кареты на борт. Лошадей оставили на попечение Врат Духовной Настройки. Поддерживая Шаогуну под локоть, Уди помог ему взойти на палубу.

В этот миг к берегу прибежала Лань Сяньюй с толпой девушек в белых одеждах.

— Названный брат, береги себя! Наставник, прощайте! — звонко закричала она.

Шаогун откликнулся, помахав с кормы. Умин тоже обернулся напоследок. Каждый из них оставил здесь свой след: один обрел названную сестру в лице Пин-эр, другой — сомнительную, но преданную ученицу. Кто знает, как сложится судьба этих осиротевших девчонок.

— Эй, дева у воды всё стоит, глаз не сводит! — затагнули лодочники, отталкиваясь шестами от берега. — А парень правит стругом, путь в Цзяннань держит! Говори слова заветные, пока поворот не скрыл нас!

Чжуан Шаогун, человек на редкость стыдливый, покраснел до корней волос. Подхватив полы халата, он поспешно скрылся в каюте, лишь бы не слушать эти фривольные напевы.

Лодочники и не думали издеваться. Для тех, кто проводит жизнь на реке, песня — единственная отрада. То гребной напев, то вольная серенада — слова летели над водой легко и привычно. На каждом плесе, у каждого прибрежного камня у них находилась своя мелодия.

Пока Чжуан Шаогун предавался раздумьям, сочиняя письмо домой, Уди успел сойтись с лодочниками и даже начал подпевать им, безбожно перевирая мотив.

Умин сидел на корме в одиночестве. Разувшись, он засучил штанины и опустил босые ноги в прохладную воду, наблюдая, как лодка разрезает зеркальную гладь.

— Братец, выходит, мы теперь в одной лодке, — Уди плюхнулся рядом, бесцеремонно навязываясь с разговором. — И не надейся от меня отделаться.

Умин даже головы не повернул.

"Слишком много чести — отвечать тебе", — прозвучал в сознании Уди бесстрастный голос.

Уди расхохотался, явно довольный реакцией, и задел брата плечом. Тот покачнулся, но сохранил прежний безучастный вид.

— И впрямь не заговоришь со мной? — Уди продолжал лезть в душу. — Только вот выбора у тебя нет. Ехать в Цзиньлин для тебя — верная смерть. Даже та девчонка из Врат Богини сказала: погибнешь и ты, и глава союза Е. А их шпионы повсюду, во всех притонах и борделях, они знают всё. Им нет нужды лгать о смерти Главы союза Е — им она невыгодна. Так что, как ни крути, я буду тебе мешать.

Умин на мгновение задумался.

"Ты хотел, чтобы я притворился мертвым и покинул дом Чжуан. Как называлась та техника?"

— Хочешь узнать? — Уди самодовольно ухмыльнулся, потирая припухшую челюсть. Выдавать секрет просто так он не собирался.

Умин повернул к нему лицо:

"Хочу."

— Ну, тогда... сперва назови меня «господином»! — заважничал Уди.

"Господин", — отозвалось в голове Уди без тени эмоций.

Тот недовольно качнул головой:

— Нет, скажи это вслух.

Умин прочистил горло и тихо, с легкой хрипотцой, произнес:

— Господин.

— Вот это другое дело, — просиял Уди и, притянув брата к себе за плечо, крепко сжал. — Какой же ты всё-таки упрямец. Я по доброте душевной хочу тебя спасти, предлагаю искусство притворной смерти, а ты ломаешься. Теперь вот сам просишь, а я, может, уже и передумал.

Умин пропустил издевку мимо ушей. Уди, поняв, что шутка не удалась, посерьезнел. Он прислушался к плеску воды и голосам гребцов — те явно не владели внутренним искусством — и только тогда прошептал брату на ухо:

— Это техника Черепашьего дыхания, её называют «Сосредоточение Сюань-у». Искусство внутренней школы Удан. Ей обучают лишь закрытых учеников настоятеля.

"И когда это ты успел стать учеником Удана?" — поинтересовался Умин.

— Это долгая история. Когда я в прошлый раз отлучался, хозяин дал мне поручение и строго-настрого запретил рассказывать вам.

При упоминании «хозяина» напускная почтительность Уди мгновенно испарилась. Он говорил об отце Шаогуна с явным пренебрежением.

Умин помолчал, а затем бросил:

"Тогда можешь не продолжать."

— Да почему же? — фыркнул Уди. — Этой жизнью я обязан тебе, брат. Если бы не ты, стал бы я гнуть спину перед этим Стариком Чжуаном? Все эти годы грязную работу для клана выполнял я — «Бедствие смерти». Старик Чжуан метит на твоё место и думает, что я сплю и вижу, как бы занять кресло главы Пяти Бедствий. Тьфу! Больно надо.

Умин искоса взглянул на него:

"Раз уж начал, говори по существу."

— Тогда и ты мне скажи, — Уди вдруг сменил тон на вкрадчивый. — Кто она? Из-за кого ты не хочешь уходить? Насколько мне известно, Чжуаны тебе ничем не помогли, скорее уж они перед тобой в неоплатном долгу. С чего бы тебе так за них цепляться?

Умин, точь-в-точь копируя недавнюю интонацию брата, лениво протянул:

— Хочешь узнать?

— Хочу, — признался Уди, затаив дыхание.

Умин резко выдернул ноги из воды и по-хозяйски закинул их на колени брату.

— Сперва вытри.

Лицо Уди исказилось, он едва не взорвался от негодования, но, заметив на голених брата следы от змеиных укусов — подарок Врат Насекомых-гу, — сдержался. Он обхватил ледяные ступни ладонями, направляя через канал Ду-май чистую янскую энергию к точкам Юн-цюань.

—... Как там «Холодный дракон», сильно допекает?

Умин медленно вытянул ноги, смакуя каждое слово:

— А ты как думаешь?

Уди и не думал извиняться:

— Будь всё совсем плохо, ты бы так не важничал. Ну, колись: кто завладел твоим сердцем?

Не давая Умину вставить и слова, он с напускной суровостью добавил:

— Только не вздумай снова мямлить «угадай сам» или «я всего лишь оружие». В воду выкину.

— Уди... Мы столько лет знакомы. Если бы у меня кто-то был, неужто ты бы не прознал?

Уди пристально взгляделся в его лицо, пытаясь уловить малейшую тень лжи.

— Выходит... никого? — медленно переспросил он.

Взгляды их встретились, и Умин согласно кивнул:

— Я — всего лишь клинок. Откуда у клинка возьмется сердце?

Уди понял, что над ним издеваются, но решил не затевать ссору.

— Никого — и славно. У Пяти Бедствий не должно быть привязанностей. И ты не будешь исключением.

Умин едва заметно усмехнулся.

— Помнится, у тебя была зазноба, — начал он вкрадчиво ворошить прошлое. — Янь Син-эр, дочка главы Врат Воров. Вы там клятвы друг другу давали, а Усинь — «Бедствие страсти» — как раз мимо проходил... Ирония судьбы: сам не смог девку удержать, а теперь хочешь, чтобы все мы бобылями ходили? Глупо это, Уди.

Тот лишь холодно хмыкнул:

— Уж чья бы корова мычала. Я прекрасно знаю, кто надоумил этого скользкого гада Усиня

влезть между нами. Кому-то из «старших братьев» просто завидно стало. Тебе всё не терпится подножку подставить, а признаться духу не хватает!

Они ещё долго препирались, припоминая друг другу старые обиды. Тем временем солнце клонилось к закату, лодочники начали разводить огонь, чтобы приготовить ужин. Чжуан Шаогун в своей каюте, должно быть, уже дописал письмо. Умин убрал ноги с колен брата и собрался уходить.

— Раз не хочешь говорить о деле, я пойду.

Уди схватил его за руку. Разговор о технике Сюань-у был лишь приманкой, он всерьез вознамерился спасти брата. Понимая, что Умин ускользает, он зашептал:

— погоди! Пообещай, что выслушаешь. Не суйся в Цзиньлин, это верная гибель.

Умин сделал вид, что не слышит, и дернулся, чтобы встать. Уди в отчаянии применил прием «перевернутого корня» и обхватил его поперек туловища. Умин, оторвавшись от земли, уперся ногой в бедро Уди и, извернувшись, захватил его шею, намереваясь использовать инерцию и опрокинуть наглеца.

В этот миг между ними царило странное согласие: оба использовали лишь приемы борьбы, не пуская в ход внутреннюю силу.

Уди понял: если продолжит давить, они оба полетят за борт. Разжимать руки он не желал, поэтому просто повалился на палубу, увлекая брата за собой.

Так они и замерли: Уди крепко сжимал талию Умина, а тот мертвой хваткой держал его за шею.

В этот момент к ним подошел лодочник позвать к ужину. Увидев эту живописную картину, он пробормотал: «Ох, простите, помешал...» — и со всех ног бросился на нос лодки. Только тогда братья разом разомкнули объятия. Умин попытался подняться, но Уди вновь перешел на шепот:

— Я всё скажу. Техника «Сосредоточение Сюань-у» позволяет входить в транс, замирать и задерживать дыхание так долго, что тебя не отличить от покойника. Выйти из этого состояния легко — нужно лишь заранее нажать на определенные точки на пальцах, соответствующие часам стражи. Это тайна Удана. У главы школы, Е Иньяня, есть ученик по имени Сяо Цзиньни. Слышал о таком?